

следно» (Следственное дело Игоря Терентьева. С. 533). 26 мая 1937 вновь арестован как участник контрреволюционной террористической организации в Дмитлаге. Расстрелян в Бутырской тюрьме.

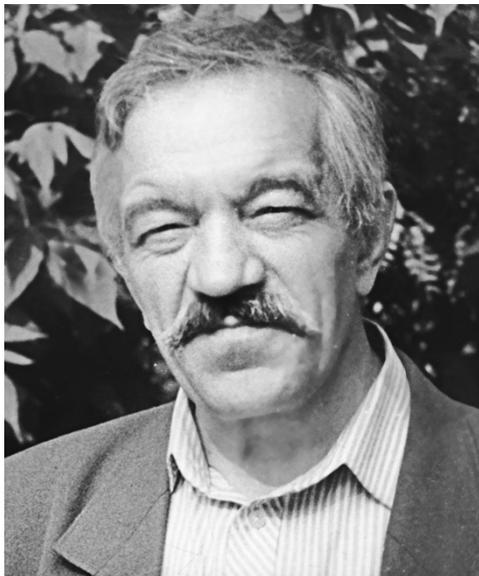
Соч.: СС. Vologna, 1988; Мои похороны: Стихи, письма, следственные показания, документы. М., 1993; А. Крученных грандиозарь. Тифлис, 1918; Факт. Тифлис, 1919; Херувимы свистят. Тифлис, 1919; Куранты. Тифлис, 1919; 17 ерундовых орудий. Тифлис, 1919; Рекорд нежности. Житие Ильи Зданевича. Тифлис, 1919; Маршрут шаризны. Изумрудные подробности. Тифлис, 1919; Трактат о сплошном неприличии. Тифлис, 1920.

Лит.: Никольская Т. Забытый авангард. Wien, 1988; Следственное дело Игоря Терентьева (1931) / публ. С. В. Кудрявцева; вступ. статья и прим. Н. А. Богомолова и С. В. Кудрявцева // Минувшее: исторический альм. М.; СПб., 1995. № 8. С. 533–608; Бренер А. Интеллектуальная культура и прецедент Терентьева // Терентьевский сб. 1996. М., 1996; Бирюков С. «Перегой теории». Игорь Терентьев — летучий теоретик авангарда // Терентьевский сб. М., 1998. Вып. 2. С. 9–12.

О. А. Кузнецова

ТИМОФЕЕВ Виктор Леонтьевич [17.5.1940, слобода Боровая Боровского р-на Харьковской обл., Украина] — поэт, публицист.

Родился в крестьянской семье, отец умер, когда Т. было 8 лет. Мать воспитывала двоих детей одна. Окончил Мурманское мореходное училище (1960), книгоиздательский ф-т Московского полиграфического ин-та заоч-

В. Л. Тимофеев

но (1968), Ленинградскую высшую партийную школу (1974).

После окончания училища 4 года работал штурманом на судах управления «Мурмансельдь». С 1964 профессионально работает как журналист — сначала корреспондентом морской радиоредакции (впоследствии — радиостанция «Атлантика»). Заведовал отделом пропаганды и агитации, был спецкором редакции газ. «Комсомолец Заполярья» (1966–72). После окончания ЛВПШ вернулся на радиостанцию «Атлантика» главным редактором. В 1975–81 — главный редактор Мурманской студии телевидения.

Член СП СССР (ныне — России) с 1977. Один из основателей Мурманской областной организации Союза (1978). Возглавлял ее в должности ответственного секретаря в 1985–90. Один из инициаторов традиции празднования 24 мая Дня славянской письменности и культуры (в Мурманске впервые проведен в 1986; с 1991 — гос. праздник России). В 1990 создал и возглавил в качестве директора издательско-просветительский центр «Русский Север». Редактор общественно-политической газ. «Славянский ход» (издается с 1997). С дек. 2001 — председатель областного отделения Всероссийского фонда культуры. Живет в Мурманске. Заслуженный работник культуры РФ (1999).

Первые публикации Т. в газетах относятся к началу 1960-х, а дебютный его стихотворный сб. «**Ритм моря**» увидел свет в книге «Искренность» (1965), собравшей под одной обложкой стихи четверых поэтов-мурманчан. К обретению своего голоса, рождению своей, неповторимой поэтической интонации Т. пришел через увлечение эстрадной поэзией 1960-х, стихами кумиров эпохи «оттепели»: Вознесенского, Рождественского, Евтушенко. В первых его книгах их влияние особенно велико, подчас слишком очевидно. О «совершенно излишней „цитации“ других авторов — от Есенина до Вознесенского» еще в 1970 писал в рецензии на книгу «Роза тревог» Л. Резников.

Отзвуки давних увлечений слышны и в его зрелых стихах, в сложившейся уже поэтической манере — в тяготении к стихотворной публицистике. Частью поэтического существа Т. стало и характерное для поэтов-шестидесятников «активное отношение к жизни, стремление переделать ее, пробудить спящих» (Резников Л.— С. 3).

Определяющими для Т. стали две темы — земли и моря. Земли как пространства, где веками жили предки поэта, эту землю возде-

лывая и защищая. Т. относится к ней как крестьянин — потомок людей, для которых земля свята, ибо давала жизнь, растила, щедро наделяя силой. Разговор о земле, «деревушке, где подрос», для Т. почти всегда возвращение из взрослой жизни в детство. Детство запомнилось ему трудным: «Полный день в глазах черным-черно — / пашем, помню, впрягшись в ниву, с мамой. / Встали рано, чуть проклюнулось окно, — / и до ночи, до глубокой самой...» (**«Воспоминание о черноземе»**). К нелегкой крестьянской доле Т. обращается не раз.

В первых сб.— **«Ритм моря»** (1965), **«Площадь Пять углов»** (1967), **«Роза тревог»** (1970) — Т. «то резко уходил от темы моря к родной деревне, традиционно воспевая ее устойчивость, то вновь спешил к ледяным берегам, к взволнованному, подчас чрезмерно патетичному, в архиромантическом духе, воспеванию рыбацких будней» (Золотцев С.— С. 54). Как отмечал С. Золотцев, по-настоящему Т. обрел свой голос в книге **«Ветка молнии»** (Мурманск, 1975), где «две любви, земля и море, сливаются в единую метафору сыновнего ощущения беспредельности и неразрывности облика Родины... Образы поля и полярного простора... по-прежнему присутствуют почти в каждом стих. Т., но на их основе он создает картины единения стихий, монолитности духа и материи, мысли и дела...». По мнению Э. Лявданского, уже в самом названии одноименного стихотворения «заключено романтически окрашенное чувство жизни. Молния, соединяющая надбытное (те миры, „что далеко за тучами“) и земное („что цветет на земле“) — только миг, мгновенье в бесконечности бытия...» (Пантелеева Л., Лявданский Э.— С. 75).

Но в первых книгах Т. большая часть стихов — о море; это основа, костяк, стержень, на котором держится поэтический мир молодого автора. Его флотские вещи, с которых он начинался как поэт, — это стихи напряженного действия, динамики: «в каюту я входил и падал», «пальцы, с вечера сведенные, никак не мог я разогнуть», а «мышцы ныли и бугрились, взбухали силой и теплом». Таков герой его ранних морских стихов. Море часто предстает как беспокойное, штормовое: «С креном — бросило! — сжало! — втиснуло...» («Ритм моря»). И такой ритм морской стихии, когда «рушится небо в белую пену», наиболее характерен для Т. Поэт и его герои любят море, но их морская жизнь — преодоление стихии и невзгод, порождаемых ею.

Экстремальные, пограничные (между жизнью и смертью, как в стих. **«Матросский**

нож») ситуации в море не редкость, они возникают и от однообразно трудной рыбацкой жизни «носом на волне», в замкнутом пространстве корабля с надоевшим за плаванье кубриком, изматывающими авралами — там, «где соль, бессонница, соляр», и «выпит весь одеколон», и «черствый хлеб едят». «Родное море» поэта — «честное, прямое». Это и некий идеал, пример — чистое, отвергающее скверну пространство. Оно не сживается с грязью, мусором: «очищается от мусора, бревна, бочки на берег выносит...». До свойства, которое для моря естественно, человеку еще нужно дотянуться, дорости.

В юности, рассказывая о близком сердцу каждого моряка моменте возвращения домой, Т. обмолвился: «мы привыкли, мы все поборем, что ни встретим на белом свете». Строчка очень характерная для поэта, для которого «мы все поборем» — жизненная норма, закон. Как отмечал А. Миланов, у Т. «нет лирики, так сказать, чистой воды. Он стихотворение конструирует, строит, как строят дом, возводят фундамент, стены, крышу, строит не для того, чтобы любоваться зданием, а с целью проживания в нем. Крестьянская основательность и добротность такой постройки вызывают уважение...» (Миланов А.— С. 5).

В юности Т. написал и другие слова, ставшие для него во многом определяющими, знаковыми. Корабль идет домой, «на курсе — Родина». Чувство Родины, может быть, главное для поэта, что отчетливо проявилось в книгах, увидевших свет в последние годы — **«Земля!!!»** (1990), **«Мой мачтовый город»** (2000), **«Гей, славяне!»** (2000). Т. написал когда-то: «Поэты любят Родину... (Не любят — не поэты)» (**«Памяти Александра Подстаницкого»**). Он много писал о России, порой жестко и категорично. Извечное тяготение поэта к некоему пределу, максимализм, ему присущий, проявлялись здесь особенно ярко и зачастую нарочито. Когда разговор заходит об Отечестве, для него не существует компромиссных решений — поэт четко отделяет то, что ему близко и дорого, от того, что кажется недостойным родной страны, ее народа, языка, культуры. Он говорит об этом спокойно, мужественно, взвешивая каждое слово: «И все же Россия жива / и выстоит тем, что с любовью / слезами отмоет слова, / молчанием, потом и кровью».

В книгу **«Мой мачтовый город»** автор включил стихи разных лет о Мурманске: «Мой город, всем мы связаны с тобою: / в нас кровь одна, душа у нас одна. / И в час, когда тебе бывает больно, / — в час этот больно,

очень больно — нам...» («**Мурманские страницы**»). К Мурманску поэт относится как к живому существу, очеловечивает его, одушевляя его улицы, скверы, причалы. Цикл «**Мурманский патерик**» составили произведения о выдающихся мурманчанах, жизнь которых, по сути, и есть история великой морской державы России, история Арктики, история любви и веры.

Соч.: Ритм моря. Мурманск, 1965; Площадь Пять углов. Мурманск, 1967; Роза тревог. Мурманск, 1970; Снежные струны. Мурманск, 1975; Ветка молнии. Мурманск, 1979; Разведка любовью. Мурманск, 1983; Земля!!! Мурманск, 1990; Мой мачтовый город. Мурманск, 2000; Гей, славяне! Мурманск, 2000.

Лит.: Резников Л. Роза тревог // Полярная правда. 1970. 21 июля. С. 3; Лявданский Э. Движение // Север. 1980. № 11. С. 124–127; Лявданский Э. Постичь суть бытия // Север. 1984. № 1. С. 111–118; Золотцев С. Нет в поэзии провинций. М., 1986. С. 53–55; Пантелеева Л., Лявданский Э. Храни огонь родного очага. Мурманск, 1993. С. 74–76; Миланов А. С тремя десятками надежд // Мурманский вестник. 1994. 19 июля. С. 5; Коржов Д. Певец «белого края России» // Мурманский вестник. 2000. 17 мая. С. 3.

Д. В. Коржов

ТИНЯКОВ Александр Иванович [13(25).11.1886, с. Богородицкое Мценского у. Орловской губ.— 17.8.1934, Ленинград] — поэт, прозаик, лит. критик, публицист.

Происходил из гос. крестьян. Отец — зажиточный крестьянин, церковный староста. В 1897–1903 Т. обучался в Орловской классической гимназии (среди учителей — Ф. Д. Крюков), но курса не окончил. В янв. 1903 прибыл за советом в Ясную Поляну: Толстой посоветовал Т. не порывать с родителями, и тот «возвратился в семью и даже в гимназию». Первая публикация — стих. в прозе «**Последняя песня**» (Орловский вестник. 1903. 14 сент.). В 1903–05 стихи Т. публиковались в «Орловском вестнике», в 1906–07 Т. печатался в «Орловской речи». В дек. 1905 Т. совершил поездку в Москву, где познакомился с В. Я. Брюсовым, который сообщил Т., что он «небезнадежен». В 1904 Т. обратился за поддержкой к И. А. Бунину, однако тот, раскритиковав стихи земляка за «модернизм», отказался публиковать их в ж. «Правда»; почти одновременно стихи Т. были отвергнуты «Новым путем». В 1905–06 Бунин помогал Т. рекомендациями, призывая воздерживаться от «скорпионовских выкрутасов» и «жалких декадентских новшества», чему Т. не внял.

После ухода из дома Т. стал вести божемный образ жизни. С янв. 1905 Т. жил в Москве, помещая свои стихотворения в альм. «Гриф» (1904, 1905, 1913), в «Голосе жизни» (1905), «Весах» (1906–09), «Золотом Руне», «Перевале» (1907), «Трудовой жизни» (1907), «Аполлоне» (1910) и др. Большинство стих. было подписано псевдонимом «Одинокий» — по заглавию одноименного романа А. Стринберга (1903), бывшего в начале века для Т. одним из источников жизнетворчества — наряду с Ф. М. Достоевским, Ш. Бодлером и С. Пшибышевским. Главным же объектом поклонения для Т. был Брюсов, доброжелательно относившийся к нему. Он писал Т.: «Два основных Ваших недостатка: пристрастие к хитрым рифмам и пристрастие к слишком страшным темам. От того и от другого освободиться можно. Два основных достоинства Ваших стихов: ясность, четкость образов и мелодичность стиха» (Письмо от 24 мая 1910). Друживший в те годы с Т. В. Ф. Ходасевич отмечал: «Можно сочувственно или враждебно относиться к идеям г. Тинякова, но нельзя не признать, что он никогда не опускается до холодного выдумывания стихов, до писания ради писания, до стихотворного жонглерства, получившего столь широкое распространение в последние годы. Переживания г. Тинякова подлинны, — и это заставляет примириться с их немного наивным демонизмом. Стих г. Тинякова немного жесток, отрывист, немузыкален, но в нем чувствуется серьезная работа...» (Утро России. 1912. 24 нояб. № 271).

Подготавливая первый стихотворный сб. «**Navis nigra**» (1912), Т. полагал, что на общество эта книга произведет впечатление не меньшее, чем в свое время «Цветы зла» Ш. Бодлера. Несмотря на то что сб. получил около десятка в целом благоприятных для Т. рецензий (в т. ч. В. Ф. Ходасевича, К. Д. Бальмонта, С. М. Городецкого, В. В. Гиппиуса), Т. ожидал большего. По приглашению А. М. Ремизова в окт. 1912 прибыл в Санкт-Петербург. Образ жизни Т. являл странное сочетание трудолюбивого лит. ремесленника, специализирующегося на рецензиях, и одновременно «проклятого поэта», периодически пребывавшего в полицейских участках, в сумасшедших домах для излечения от белой горячки и т. п. В Петербурге Т. сблизился с А. А. Измайловым, В. В. Розановым, А. А. Блоком; стал бывать у Д. С. Мережковского и З. Н. Гиппиус (в которую был демонстративно и безнадежно влюблен), а также у Ф. Сологуба.

Т. много и плодотворно работал критиком и рецензентом в газ. «Русская молва»